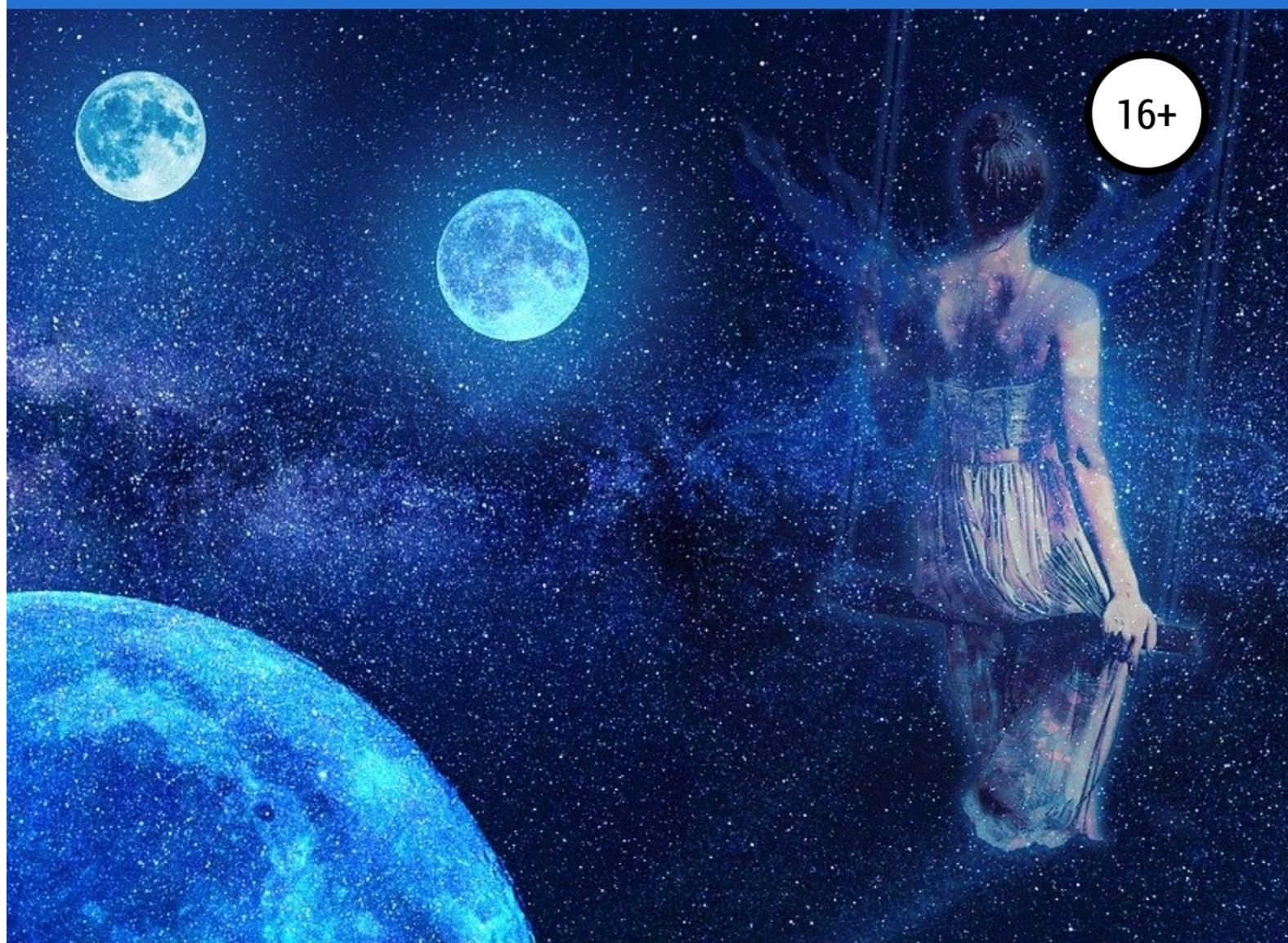

Владимир Мищенко

16+

Отпуск по заказу

Попаданцы

Владимир Мищенко

Отпуск по заказу

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Мищенко В.

Отпуск по заказу / В. Мищенко — «ЛитРес: Самиздат», 1997

"Бойтесь желаний своих - иногда они сбываются". Проблема в том, куда заносит попаданца, сможет ли он приспособиться к новой жизни? Какой жизненный багаж у него за спиной? Но, в любом случае, приключения ему гарантированы.

© Мищенко В., 1997

© ЛитРес: Самиздат, 1997

В однокомнатной квартире одного из областных городов России в уютном мягком кресле сидел майор Российской Армии Иван Павлович с довольно редкой ныне фамилией Иванов. Чуть больше года назад, не выдержав тягот и лишений воинской службы, и постоянного отсутствия мужа по причине учений, командировок и т.д., и т.п., от него ушла жена. Поэтому ему никто не докучал вопросами, почему не выброшен мусор или подтекает из крана вода, никто не мешал по вечерам расслабиться в кресле с бутылочкой пивка, посматривая очередной боевичок. Сериалы Иванов не любил принципиально, а, если ничего интересного не было, то смотрел их, как прошлогоднюю газету с устаревшими новостями. И сегодняшний день ничем особенным не отличался, за исключением того, что сегодня, наконец, командир части де-факто отпустил его в отпуск, где де-юре он находился уже третьи сутки. Но даже сегодня утром, получая свой отпускной билет на руки в строевой части, он услышал от недавно прибывшего ЗНШ

– Товарищ майор, командир просил передать, чтобы вы эту недельку не уезжали никуда. Из Москвы может приехать комиссия, тогда недельку отгуляете позже.

– Знаю я эти позже. В прошлом году он мне так двенадцать суток отпуска простил. – Дальше Иванов произнес несколько фраз касающихся лично командира и порядка вообще, которые старший лейтенант постарался не расслышать. Эти утренние воспоминания не добавили розовых красок в его немного мрачное настроение. На коленях лежала раскрытая книга с очередными детективными приключениями Анастасии Каменской, но читать не хотелось, так как совсем недавно прошел сериал, и все это он видел наглядно, а посему читать было скучно. По “ящику” тоже шла одна мура, как любил говорить один его подчиненный прапорщик. Передача о природе навеяла воспоминания о лейтенантских годах. Ровно через год после окончания училища занесла его служба за границу, но не в Германию или Польшу, откуда, кроме денег, привозят еще кучу ковров и прочей домашней мишуры, обеспечивая себя и детей на долгие годы, а в далекий и бедный от долгой войны с американцами Вьетнам, на базу советских войск в Камране. Что климат, что изобилие мелкопаковой мошкары делали жизнь на базе очень тяжелой. Поэтому он сочувствовал и понимал, когда молодые девчонки – жены офицеров, приехавшие сюда за романтикой, сбегали домой к матушкам, не выдержав испытания на прочность. Что ж, не всем быть женами декабристов – философски думал лейтенант Иванов. Работа у него была не пыльная, но сытная, – он занимался вопросами обеспечения личного состава. Особые проблемы, но, естественно, решаемые, создавали летчики местного аэродрома. Они всегда были капризными, особенно в вопросах питания. Особый интерес у него вызывали морские спецназовцы, дислоцировавшиеся поблизости. Официальных боевых действий не было, поэтому и они также занимались повседневной жизнью, но, понятное дело, с военным уклоном и военными причудами. Со временем, среди моряков у него появились приятели, а двоих можно было назвать даже друзьями, но называть их по именам, было не принято, – мало ли что, ведь морской ветер и морские течения могут их занести “случайно” и на вражескую территорию. Если я не стреляю в кого-то, это еще не значит, что он мне друг. В армии приходилось сталкиваться и с таким. Конечно, если бы Иванов служил где-нибудь в Европе, где командиры любят загружать подчиненных любой работой, лишь бы им не было скучно, то и всякие дурные мысли, – чем бы себя занять, не стали приходиться в буйную голову молодого лейтенанта. Но это была удаленная от всех проверяющих база с отвратительным климатом, и землей, надолго отравленной американцами своими химическими препаратами. Здесь “варились в собственном котле”, и все просто делали свою работу, просто потому, что за них этого не сделает никто. Не сделал сегодня, завтра будешь делать завтрашнюю работу плюс вчерашнюю. Вот так. В ненормированном армейском рабочем дне есть и свои плюсы. Кроме того, Иванов родился не с фигурой Шварцнегера и не сделал ее такой, подобно ему. Иванов был скорее худ, чем нормален телом. Все это напрямую и исподтишка толкало его в сторону учебного городка и комнаты спецподготовки спецназовцев. Да, простых смертных туда не пускали, но, когда посто-

янно мотаешься перед глазами, и, когда тебя до седьмого прадеда проверили КГБешники, и, к тому же, очень хочется, то можно. Тем более в российской армии. Разумеется, тело в двадцать три года не такое гибкое, как в пять-шесть лет, когда в Японии начинают обучать детей каратэ, но все равно еще не предел. Растяжка давалась крайне тяжело. Поэтому Иванов, прочитав какую-то книжку инструктора рукопашного боя зеленых беретов, где было написано, что, для того, чтобы уметь ударить пяткой в ухо, надо быть спортсменом и постоянно держать себя в такой форме, решил, что лучше выучить до автоматизма три-четыре удара и блоки, и в драке вырубать заводицу или самого амбалистого, а дальше, как повезет. Теперь Иванов жалел, что его скромность, а, если честно, было просто стыдно своей физической слабости на фоне крутых моряков, привели его в спортзал слишком поздно. За два с половиной года тренировок он достиг неплохих результатов – это на фоне его друзей из пехоты, а среди акул – моряков он был еще салагой. Он заразился от спецназовцев вирусом боевых искусств. Метать ножи или после ужина отрабатывать часами приемы ему нравилось больше, чем читать бестолковые мемуары про атлетов – красавчиков, и непременно вначале невзрачных, но в конце очаровательных, дамочек. Понятное дело, никому и в голову не приходит сомневаться или умалять достоинства летчиков ТУ-95 или ТУ-142, которые по восемь-десять часов барражируют вдоль наших границ, вполне заслуженно привлекая к себе внимание войск ПВО с другой стороны границы. Небо прекрасно, но по десять часов смотреть на него,..... Увольте. А вот морские глубины.... Одна прогулка на “Тритоне – 2“, пусть даже на “Тритоне – 1“, чего стоит. А как приятно затопить “Пиранию“ на сто пятьдесят-двести метров и покрутиться в акульей стае. Даже стрельба из знаменитого подводного четырехствольного пистолета, прозванного “Гвоздь“, намного увлекательнее стрельбы из Макарова. Кстати, из ПМ Иванов и стрелять-то толком не умел, так как стрельбы были только два раза в год на осеннюю и весеннюю проверки, да и то, если в этот день в наряд не поставят. Ностальжи. Приятное слово. Да и обозначают им чаще приятные воспоминания, когда есть, что вспоминать и о чем взгрустнуть. Хороший повод, чтобы открыть еще одну бутылочку пива. А по телевизору показывали очередную потомственную ведунью, которая по фотокарточке и любимого вернет, и от поноса его излечит. Короче, и смотреть нечего. Вот журналистка, что берет интервью, симпатичная. От этого никуда не денешься. Но вопросы задает идиотские. Ха! Заклинание счастья дай ей! Ересь какая-то. Интересно, как выкрутится претендентша на ведьмочку. Естественно, набор слов. Как это сначала? Так, не понимая часто слов, а, тем более, их смысла, Иванов механически повторил за женщиной эту словесную абракадабру.

– Ну, а дальше что? Счастье? Вот мотануть бы сейчас куда подальше, хоть в космос, хоть в другое измерение. Лишь бы смыться от этой скукотини, от этого прозябания, что называется жизнь. Что сделано за прожитые годы? А самое страшное, что и дальше будет то же самое, пока не помрешь. Самое время драпать.

И то ли заснул, то ли еще что, но грохнулся Иванов со своего кресла на пол. А голову поднял – зажмурился. Яркое солнце слепило глаза. Березы шелестят. Соловьи поют. А сам господин-товарищ Иванов плашмя лежал на мягонькой пушистой травке. В боку что-то сильно давило. Посмотрел – ба-а, книга про госпожу Каменскую! Вот точно – книга лучший подарок. И какой идиот это сказал. Делать нечего, надо вставать. Это только в русских сказках: пролежал на печи тридцать лет и три года и на тебе – на халяву, и силушка пришла, и невеста нашлась. А в жизни все зарабатывать самому надо и не особо щелкать клювом, так как всегда хватает любителей до чужого. Иванов поднялся, потянулся. И тут под самым носом, буквально метров в десяти, увидел колодезный сруб.

– Колодец, колодец, дай воды напиться.– Потихоньку пропел Иванов.– Еды нет, хоть водицы напиться.

Но странно, вместо ведра к веревке была привязана какая-то довольно объемная бадейка, на дне которой явно были отпечатаны следы ног. Интересно, сколько же раз вставляли ногами в эту бадейку, если даже слегка углубления вытоптались в дереве!

– Как я понимаю, и не колодец это вовсе, а прообраз нашего лифта. Только на лифте сначала вверх, а потом вниз. Здесь – вниз, а как наверх? Здесь, что – пропуск только в один конец? Не очень-то и радует. Всегда покойнее, когда знаешь, что всегда можно отойти даже на заранее не оборудованные позиции. Нам ведь все равно: наступать-бежать, отступать-бежать. Лишь бы бежать. Шутка! А, если шутка, то, что задумался, – вперед и с песней, в смысле – вниз. Когда началось резкое движение вниз, пришла мысль: после последнего витка на барабане – сильно дернет. И считай, все коленки разобьет о края бадьи. Даром что ли, вот они – чуток пониже. Потом хромать аж до самой японской Пасхи. Но буквально через несколько мгновений движение заметно замедлилось, а вскоре и вообще остановилось. Мимо сверху пролетели камушки. Раздалось бульканье воды. Иванов посмотрел вниз – примерно в полуметре под ногами плескалась вода. Напротив, прямо начиная с верхней кромки бадьи, в стене виднелся проход. В районе сердечка неприятно кольнуло. Будь, что будет. А-а-а, один раз живем! – прокричал Иванов, а потом шепотом добавил. – Вообще, поэтому и пожить подольше хотелось бы.

С этими словами Иванов сделал свой первый шаг в туннель. Достаточно темно, но ничего, с обеих сторон стены руками прощупываются. Лишь бы в яму не угодить или ловушку, какую. Ход тайный, могли и ловушку устроить от не прошенных гостей. Хотя, судя по следам в бадье, гостей здесь ходило немерено. В любом случае, я уже иду и будь, что будет. Хотя могли и проход благоустроить, даром, что ли народу столько шастает. Эх-х, матушка Россия, все умеем, да ничего не можем сделать толком. Даже для себя. Ракету построить или блоху подковать – это можно. А вот в деревне дорогу единственную заасфальтировать – это уже круто. Легче трактором машины из грязики вытаскивать. Эх, помню, как меня три километра на тракторе тащили. В смысле, не меня, а мою машину, в которой я сидел. Кто там сказал, кажется, Есенин:

Если крикнет рать святая: брось ты Русь, живи в Раю!
Я скажу: не надо Рая, дайте Родину мою.

Может и не Есенин, но все равно хорошо. Вот только эти стихи на фоне трактора не гордость вызывают, а грусть и легкую обиду. Жаль, часов нет, по-моему, уже с полчаса иду, как пить дать. Хотя в темноте время, точнее ощущение времени, у большинства людей теряется. А вот и свет в конце туннеля. Слава Богу, что не яркий и зовущий, как рассказывают ожившие покойники, а тусклый. Пока живой и, слава Богу! Вах-х! Я опять вышел туда же! Та же бадья со следами ног, вода в колодце. О, веревка вдоль стены. Как же я ее раньше не заметил – это, очевидно, рычаг для вытягивания себя наружу. Почти, как барон Мюнхгаузен, вытаскивающий себя из болота за волосы. Как там поют классики:

“ Я во-дя-ной, я водяной, никто не водится со мной.
А мне летать охота.
А ну их всех в болото“.

Хорошая песенка. Душевная. А вот я и наружи. Вай! Благодарью, какая. Действительно, все познается в сравнении. А как там, у Высоцкого, типа, что те же деревья и та же трава, что-то еще такое же, а в ответ – тишина. Он вчера не вернулся из боя. Неизвестно, что хуже: тишина или шумные крики аборигенов. Неизвестно еще кто пользуется этим чудом техники. Надеюсь, людей в жертву они не приносят. А, может, это сатанисты! Зачем туннель в земле кольцом вырыли? Хотя, почему кольцом? Если бы так, то мой выход был бы входом в начало туннеля или выходом в колодец, напротив первоначального входа. Но дыра была одна. Однозначно. Не

понятно. Природа та же самая. Вон две березки чуть в стороне от других. То же солнышко. Ой! Занудно летавший вокруг здоровый жук, вдруг резко сменил траекторию полета, и неожиданно сел на предплечье. Я инстинктивно хлопнул по нему ладонью, оглушив, и щелкнул пальцем, отбросив его недалеко в траву. Это был жук-носорог со спичечную коробку, только окраска его крыльев была яркая, как у какой-нибудь бабочки из джунглей.

– Реакция есть, – с удовлетворением отметил я себе, – но, что толку. Делать-то я ничего не умею. Не слесарить, не столярничать. Дачник из меня был аховый. Прослужил в армии больше двадцати лет и что толку. Даже стрелять из пистолета не умею. Только очередью из автомата по толпе. Да и не скажу, что смогу выстрелить по толпе. Тем более, безоружной. А профессионалы толпой стоять не будут. Подозреваю, что после первых выстрелов начнут двигаться. А вот в армии этому уже не учат. Там поднялся пулемет на пятнадцать секунд – упал. Поднялся боец-мишень и стоит. Стоит, а не бежит! Вот и получается, что не всему учат в армии, что нужно на войне. А попал на войну! Действительно, в ответ тишина, так как погиб из-за своего непрофессионализма. Конечно, подрасться я еще могу. Опять же, последние годы слабость характера сказала: одному тренироваться тяжело – лень медленно, но верно захлестывает. И сейчас не встанешь, за десять минут не накачаешься. Это тебе не кино. Что ж за фильм показывали про бразильскую борьбу? “Только сильнейшие“, кажется. Взял восемнадцатилетнего негра. С утра до вечера потренировал его, а к вечеру у того и растяжка появилась, что ногами машет выше собственной головы, и удар мощный появился. А как мне растяжку ног стали делать. Ты что! Боль дикая. Самое интересное то, что так растяжки у меня и нет. Для меня на шпагат сесть, все равно, что моток шпагата съесть. Хо! Каламбур получился. Обожди, но что-то меня мучает. Что? Может, кто следит за мной? Да нет. Все чисто. Да здесь и не спрячешься. Трава мелкая. Березнячок чист. А ведь ощущение недавно появилось и грызет сознание, как жучек – червячок. Стоп! Жук. Он чем-то меня удивил, но чем? Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать, и полчаса вспоминать. А вот и он. Окраска не обычная, но это не критерий. Десять ног. Стоп. А у нас на земле сколько? А почему у нас? И почему на земле? Кто сказал, что я на Марсе? Но ведь у жуков и пауков не больше восьми ног, а здесь – десять! Плюс усы и челюсти. А окраска! Но ведь деревья и трава такие же. А откуда здесь мутанты? Были бы урановые залежи, то растительность наверняка бы отличалась, да и гостей, желающих постоять в бадье, поменьше было бы. Как ни крути, а даже то, что я из собственного кресла упал сюда, уже кое – что значит. Даже, если это и не другая планета, а только другое измерение..., то все равно хрен редьки не слаще. Как же я идиот попался. Знал же, что во многих наговорах главное даже не смысл слов, а сочетание звуков. Я и произнес это сочетание. Бачили очи, шо покупалы. Бачили, бачили. Вот и расхлебывай, раз знал. Рад бы свалить вину на кого, да не на кого. Один Бог знает, что меня ждет. Но попотеть придется, это однозначно. Притомился на работе! Получи на всю катушку и утри сопли! А, что я тогда сижу? Есть захочу и что? Можно подумать, я какую зверюшку поймать смогу или рыбу руками поймаю. Люди нужны, общество. А кто сказал, что здесь живут люди? Хороший вопрос. В какой-то книге он к разумным динозаврам попал. Возможно, это и безопасней, но есть и свои минусы. Почему-то мне кажется, что я встречу таких же людей, как и я. Зря, что ли, я то, проклятое заклятье читал. Вспоминать его бесполезно. Я стихи и те с трудом учил, а тут эту белиберду вспомнить. Эх-х, жизнь моя – жестянка, а мне летать охота! А, ну их всех в болото. Настроение приподнялось. Ноги с легкостью несли меня по заметно утоптанной тропинке, которая вскоре примкнула к широкой наезженной дороге. Конкретных мыслей не было. Так. Легкая эйфория от солнышка, природы и вообще от всего отличного денька.

– Вот так, настроил себя по-боевому. А почему, собственно, по-боевому? Я, что воевать собрался с кем-то. Наоборот, мне хорошо и приятно. “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути“. – Пропел я. – А, если подумать, а думать лучше раньше, чем слишком поздно, то входить в новый мир надо или смиренным миссионером, почти святым, или

крутым парнем, что не жалеет ни друзей, ни врагов. По крайней мере, вначале. А придешь ничем, серой мышкой – серой мышкой и погибнешь. А мне это надо? Я зря сюда попал?! Здесь или год героем, или неизвестно сколько – рабом. Хотя у властей, наверняка, найдется рота, если не героев, то хотя бы солдат, которые отловят этого героя-лопуха, и в рабы его! Опять же, неизвестно на сколько. А миссионером? Неизвестно какая здесь религия. Есть ли человеческие жертвоприношения? Что на костре сгореть, как Джордано Бруно, что съедят, как Кука. Хотя его тоже вначале обжарили для вкуса. Как ни крути, а “east or west, home is best” – как в гостях ни хорошо, а дома лучше. Это точно! Так что же делать? Хороший вопрос. А главное – вовремя. Рекогносцировка. Вот – это слово меня выручит. Зря, что ли в армии столько лет служил. Главное – разведать обстановку и противника. Собрать максимум информации и проанализировать ее. А потом принимать решение. Так, а это что? Поперек дороги лежало поваленное дерево. Судя по уже начавшим засыхать листьям, оно лежало здесь уже с неделю.

– И все это время здесь никто не ездил? Интересно, может, я в обратную сторону иду? Какая разница! Это же дорога, значит, все равно куда-нибудь приведет. А как же крестьянин проедет? Тут же не объедешь – кусты. А вдруг женщина за рулем или за лошадью? Тьфу ты, на телеге. Интересно, а оттащить его я смогу? Посмотрим, толстое ли оно.

Дерево, толщиной примерно в двадцать пять сантиметров, лежало на пне. Интересно было то, что оно было спилено. Я поднапрягся, ожидая достаточно большого веса, но, очевидно, рычаг был большой, поэтому я относительно легко, практически одной рукой, оттащил конец ствола на другую сторону дороги и даже набросил на кусты, подмяв их. После этого я подошел к середине дерева и обеими руками закинул дерево за кусты, освободив проезжую часть дороги. С чувством выполненного долга я наклонился сорвать пучок травы, чтобы обтереть руки, и буквально чуть не порезался об острие какого-то предмета. Это был металлический стержень толщиной в два пальца и длиной с локоть. Заканчивался этот стержень приваренным обухом топора, но приварен не на бок, как у обычного топора, а по ходу, как пешня у рыбаков. Собственно, это и была пешня для рубки льда, но в миниатюре. Вещь, в принципе, бесполезная, так как тыкать, как ножом, неудобно. Рубить, как топором, бесполезно. Метать. Да, сбалансирован отлично. Так это же для метания! Это совсем другое дело. Ну-ка, на чем попробуем? А вот и дубок. Толщиной с человека и стоит шагов за двадцать. Чудесно. Идеальная мишень. Шаг левой, метание от плеча. Попробовав его на вес еще раз, я метнул его в дерево. Великолепный бросок. Оружие почти на треть вошло в древесину. Только вопрос – как его теперь достать. Ручка гладкая – сползает с потной ладони. Раскачать не очень получается, но иначе не достать. Полная автоматика: нажал на кнопку и вся спина мокрая. Так и у меня: не прошло и сорока минут, как я весь в мыле, с натертыми руками, наконец-то, достал свое “сокровище”. “Кто предупрежден, тот вооружен” – говорили древние. А, если я и на самом деле вооружен, – это вообще чудесно. Пришлось еще минут пятнадцать посидеть, отдохнуть. Но и в животе уже засосало. Не зря поработал. Война войной, а обед – по расписанию. Но, где столовая, солдат? Ускоренным походным шагом, шаго-о-м марш! Ать-два, ать-два. Примерно через час ходьбы увидел на обочине огромный куст, даже не дерево, а куст с большими сочными плодами боярышника.

– Может, это все-таки земля? Если не родной, то какой-нибудь параллельный мир, другое измерение. Это ведь уже и наша продвинутая наука подтверждает. Только мне от этого не легче. Не зря говорят: перед входом подумай о выходе. Эх, лох ты и лопух. Начало смеркаться. Селения видно не было. Через час станет темно, а где в этот момент буду я, неизвестно. А здесь я утром и позавтракаю. Худо-бедно, но еда. И кустарник колючий, хоть какая, но защита. Земля теплая, остывать долго будет. Естественная ниша между двумя кустами оказалась идеальной для меня. Нарвать в поле травы и сделать себе травяной матрас – дело немного трудоемкое, но приятное. Почти стемнело, когда я выполз из своей “пещеры” размять косточки после трудов праведных, да посмотреть, может, увижу огни города в темноте. Но то, что я увидел, поразило

меня больше, чем, если бы я увидел слона. Солнце светило по-прежнему ярко, но темноту создавала тень от огромной, заполнявшей все пространство неба, планеты. Ни о какой красавице Луне и речи не было. Играющая багряно-красными и фиолето-синими сполохами, огромная аморфная масса буквально падала на землю. Она полыхала и пузырилась подобно лаве в жерле вулкана. Но это было холодное свечение. Стало заметно прохладнее. Эта мысль легкой тенью пробежала по задворкам моей головы и исчезла. Остался животный страх и оцепенение, как у лягушки, загипнотизированной змеей. Но спокойно пели птицы, мирно шелестела трава. Природа абсолютно не реагировала на этот катаклизм. Ей было наплевать, как будто это случалось каждый день. Каждый день! Птицы должны были среагировать, если бы такая масса так стремительно неслась бы на нас, а они мирно пели. Конца света не будет. Немного отпустило сердце. Я стоял, не отрывая взгляда от местной луны. Действительно, небесное тело закрыло местное солнце, и наступила темнота. Замолкли птицы, и только небольшой ветерок играл в листве. Именно небольшой, а не ураган. Наконец-то я успокоился.

– Ощущение, что я ночую под мостом напротив супермаркета с огромной неоновой рекламой. – Полностью успокоившись, я сонным взглядом смотрел на мерцающие красно-синими бликами листья. Вскоре я заснул. Проснулся я от сильной боли в ноге и громкого хохота.

– Синьор, он, очевидно, накануне сильно надрался. Спит без задних ног.

– Сержант, зацепите его алебардой и вытащите. Будь он ивой или мертвый я хочу его видеть, кто это или что это.

– Хорошо, капитан.

За считанные секунды я вспомнил, что со мной произошло и хотел рвануть вперед через кусты, но, увы... Вчера я даже и не мог представить себе такой ситуации, поэтому черного хода в моей спальне не было. Я подумал о защите от четырехногих хищниках, забыв, что люди еще опаснее. Я опять поплатился за собственную беспечность. Сколько раз можно наступать на одни и те же грабли. Царапаясь и разрывая свою одежду о колючки, я был вынужден быстро вылезти наружу, так как крюк алебарды недвусмысленно крутился около моих ребер. Наконец-то я вылез. Оцарапанные руки неприятно горели и саднили. Я наклонился и оттряхнул брюки, успев подумать: хорошо, что я в брюках, а не как обычно – в трусах. Ну и видок был бы у меня. Вот потеха. Я непроизвольно заулыбался.

– Ну и нахал! Ты перед кем стоишь, увалень. – Сильный тычок древком алебарды в плечо почти сбил меня с ног. Подняв голову, я сначала увидел красивую красную попону, расшитую золотыми и серебряными нитями. Потом бархатные сапожки с такими же узорами, как и покрывало на лошади. Потом, то ли длинный пиджак, то ли полупальто. Тоже красивое. И, наконец, вершина этого Божьего творения – голова. Темные, нет ни цвета вороного крыла, как пишут в любовных романах, а просто темные, ближе к черным, волосы. Пушистые, возможно, только сегодня утром вымытые, волосы слегка накрывали плечи. Красивые глаза. Во всем лице чувствовалась порода. Он наверняка нравится женщинам. И я, как мужчина, с чувством некоторой зависти, должен был это признать. Очередной сильный толчок в спину мало того, что ушиб позвоночник, но еще и заставил меня уткнуться лицом в колено этого холеного синьора.

– О, синьор, простите! Я только хотел, чтобы эта скотина поклонилась вам, как вы этого достойны, синьор. – Желая проявить свое служебное рвение, сержант опять пихнул древком. Но не тут-то было. Я повернулся корпусом, пропуская вдоль спины древко, потом захватил его левой рукой и дернул на себя. Удар в пустоту и плюс дополнительный рывок сделали свое дело, и сержант грохнулся мне под ноги. Кожаный ремешок, державший ножны меча, лопнул, и его оружие откатилось к моей ноге. Я спокойно поднял ножны и полуобнажил меч. Он был явно тяжеловат для меня. Я предпочитаю мечи японских самураев – они легче и по прочности не уступают. Презрительно осмотрев оружие, я отбросил его в сторону. С оружием, наподобие алебарды, мне приходилось тренироваться, но, если у меня в руках будет оружие, то меня

моментально пристрелят из арбалетов, которые были у всех солдат за спиной. Но, как из алебарды сделать шест, или на спортивном языке – бо. И тут я обратил внимание на деревянное седло лошади. Как раз то, что надо. Рукой деревяшки я никогда не ломал, а так надо попробовать. Я опять демонстративно спокойно поднял алебарду и резко ударил концом древка по седлу, стараясь не поранить лошадь острием. Хрясть и наконечник обломился. Я аж вздохнул и опять не удержался от улыбки. Вообще, я что-то перестал контролировать свои эмоции. А это плохо. Это очень плохо.

– Синьор, у этого нахала сегодня слишком хорошее настроение. Я думаю, пара тумачков ему не повредят, а, заодно, и научат уважению к своему господину.

С этими словами капитан направил на меня свою лошадь. Я успел заметить, что у них на лошадях были только седла и накидки. Никаких других удобств для ног не было. Поэтому я толкнул в плечо капитана древком, а, когда он отклонился в бок и назад, подцепил его ногу и скосынул с лошади. Он с грохотом упал. Увидев такое хамство, один из солдат обнажил меч. Поймав шестом плоскость меча, я сделал «восьмерку», и меч улетел далеко в сторону. Мельком увидев тень, я наугад ткнул назад. По вскрику я понял, что попал. Обернувшись, увидел падающего с коня солдата. Пара солдат приготовило арбалеты, и смотрели на своего синьора, ожидая приказа. Ему было просто достаточно кивнуть. А я не ниндзя, чтобы зубами ловить арбалетные стрелы. Меня этому в школе не учили.

– Синьор, неужели вы допустите, чтобы из безоружного человека сделали ежика с иголками только за то, что пара солдат оказалось недостаточно подготовленными. – Тут я сообразил, что становлюсь врагом номер один у капитана, так как мало того, что опозорил его, скинув с лошади, так еще обвиняю его в неумении готовить солдат. Да еще перед кем! Перед его синьором! Надо срочно выпутываться. – Конечно, благодаря усердию вашего капитана, они сразу же бросились защищать вас, синьор, но они немного поторопились, потому как у меня и в мыслях не было, причинить вам какое-либо зло. Наоборот! Я ваш друг. (Ничего себе, друг.– Мысленно прокричал я сам себе.– Он синьор, а кто я. А, что я хуже его что ли. Но сказал А, теперь говори и Б, иначе до вечера не доживешь.) Позвольте представиться. Я – русский дворянин полковник граф Иванов. После очередной военной компании ушел в отставку и теперь путешествую. Заметив ехидную ухмылку капитана, я оглядел себя: Слава Богу, что на мне синие солдатские носки, военные брюки в сапоги или, как говорят гражданские, – бриджи, зеленая армейская рубашка, под ней – тельник, а под ним, – заправленная в брюки книжка про Каменскую, жесткий переплет которой так больно сейчас давил прямо в печенку.

– Да, синьор, я понимаю, что вид у меня не подходящий и не соответствующий. Но на ваших дорогах, к сожалению, так же хватает лихих людей, как и у нас в России. Последняя шайка разбойников была более многочисленна, чем обычно, поэтому, хоть я и мой слуга остались живы, мы остались без вещей. И сейчас я вынужден стоять перед вами, синьор, в жалких остатках своей полевой формы.

– А где же слуга?– Ехидно спросил капитан.

– Я остался без вещей, капитан, но честь моя со мною. Я мог бы вызвать вас на дуэль, но я понимаю, что у вас есть повод в чем-то сомневаться, поэтому я прощаю вас. Кроме того, из уважения к вашему синьору я поясню: я отдал оставшиеся деньги слуге и отправил его в мой замок в России. Он возьмет все необходимое и какое-то количество слуг. Там, где идут войны, там всегда на полях можно найти оружие, и иногда оно попадает не в те руки.

– Согласен, граф, согласен. – Это были первые слова синьора.– Я благодарен вам за то, что вы соизволили простить моего слугу. Кроме того, мне понравилась ваша дипломатичность, когда вы похвалили моих солдат-неумех. Но то, что на них особо рассчитывать нельзя, я уже понял. А ваше боевое искусство лучше всяких слов подтверждает ваши слова. Подать коня господину полковнику! Живо! Коня!– Опять мысленно прокричал я сам себе.– Да я ни разу

на лошади не сидел, не то, что ехать куда-то. Хана моей сказочке про кота в сапогах. На коне я как раз и “сгорю”.

– Синьор, извините, не имею чести знать, как вас зовут...

– О, граф, простите мне мою забывчивость. Я – граф сэра Джон Лестерский, сын Роберта Лестерского. Мой отец – вассал короля Ричарда Первого, участник похода в Святую землю.

– О, граф, я много слышал о вашем отце, но, к сожалению, я с ним не знаком, так как я впервые в вашей чудесной стране. Но, признаться, я хотел сказать вам о кое-чем другом. Несколько деликатный вопрос. Дело в том, что в последней заварушке меня, попросту говоря, огрели здоровой дубиной и не куда-нибудь, а по месту, на котором сидят на лошади. Поэтому я, по понятным причинам, сейчас не могу ехать на лошади. Тем более один.

Хотя все заулыбались, но цель была достигнута. Мне помогли взобраться на коня капитана, и я, обхватив его талию руками, готов был ехать. Под руками я ощутил крепкое, мускулистое тело. С такими лучше дружить. Умей выбирать друзей, а враги найдут тебя сами. Хорошо сказано.

– Так, а, что там дальше в сказке про кота в сапогах? Интересно, читали они такую сказку? И вообще: куда я попал, в какую страну, в какое время? Лишь бы не залететь на мелочи. Обычно на мелочах все и залетают.

– Капитан, подскажите, что за местность, где мы сейчас находимся? Мне кажется, что незадолго до того, как на нас напали разбойники, у крестьян в селениях был совсем другой говор. Может, за эти дни я пересек еще одну границу?

– О, нет, сэра, вы все еще во Франкании. Просто Франкания находится на перекрестке всех путей: идет поход в Святую землю – через Франканию; разбивают войско наших рыцарей там – шайки бывших солдат возвращаются по домам также через Франканию; неверные, собрав войска, идут с ответным визитом опять же через нас. Что ни год, то новое развлечение, сэра.

– А куда мы сейчас едем, капитан?

– Как куда, сэра? В самый лучший город Франкании – Женоров!

– Это столица Франкании?

– О, да, сэра. Чувствуется, что вы недавно у нас в стране, сэра. Всего лишь десять лет назад у нас была столица Вотарас, но она находится слишком близко к границе с Италией. Поэтому у них слишком часто появлялось искушение захватывать наших королей, что, кстати, иногда, и случалось. А это, как вы понимаете, борьба за власть, войны. А стране нужен мир. Чтобы родить и воспитать солдата нужно лет восемнадцать-двадцать, а чтобы убить, достаточно мгновения, которое арбалетная стрела летит до своей цели.

– Да, ты прав. Ты совершенно прав.

– К сожалению. К сожалению, я прав, сэра. А, чтобы платить наемникам, нужны деньги, хлеб, мясо, вино. А в разоренной войной стране, где это можно взять?

– Увы, да. Тут не повоюешь.

– Ну, что вы, сэра. Как раз для этого и надо воевать. Для этого достаточно совершить только один успешный поход. Куча рабов, изобилие мяса, контрибуция с побежденной страны. И мы опять готовы защищать себя.

– Но это же замкнутый круг! Рано или поздно это все равно закончится. Это ловушка, в которую вы сами себя загоняете.

– На наш век хватит, сэра.

– А ваши дети?! Вы о них подумали? Как им на такой земле жить?

– Сэра, у меня нет детей, нет семьи. Я знаю, что через год-два я все равно погибну в каком-нибудь сражении. Что я буду забивать себе голову какой-то ерундой. Я солдат и мое дело только выполнять приказы. Умные они или глупые – не мне решать. У нас есть божий наместник – король. Он думает и отдает приказы. А я их только честно выполняю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.